

Елена Ляпина

РАДОГОЩЬ

В ЭТОЙ ДЕРЕВНЕ ЧТО-ТО НЕ ТАК...

Елена Ляпина
Радогощь
Серия «Фолк-хоррор
русских авторов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67901852

Радогощь: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34806-6

Аннотация

Дарина с группой студентов отправляется в глухомань, чтобы изучить традиции загадочного племени когалов и написать курсовую. Но пышные пляски у костра и клич шаманов только кажутся захватывающим приключением, пока туман не скроет обратный путь и радушная улыбка хозяев не обернется оскалом ритуальной маски... Дарина хотела лишь получить зачет и сблизиться с парнем своей мечты, но теперь, чтобы выжить, ей придется столкнуться с ожившими легендами. Как выбрать между сном и явью, когда на кону твоя судьба и возвращение домой?

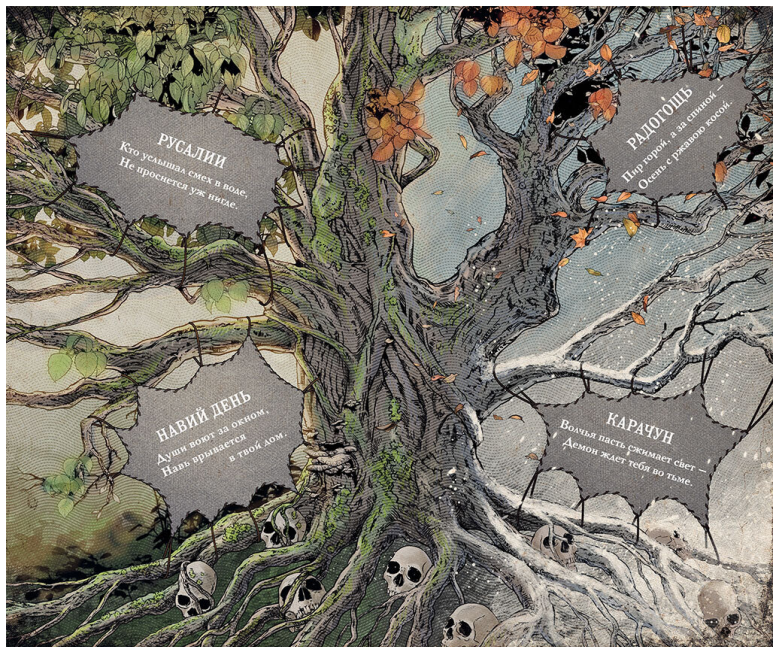
Содержание

Глава 1. Неклюдовское	8
Глава 2. Дух реки	22
Глава 3. Когальский шатровый городок	32
Глава 4. Дух земли	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Ляпина
Радогощъ

РУСАЛИИ
Кто услышала смех в воде,
Не проснется уж нигде.

РАДОГОЩЬ
Пар горюх, а за спиной —
Осень с фазанью кожей.

НАВИЙ ДЕНЬ
Души ворят за окном,
Наше врывается в твой дом.

КАРАЧУН
Болезнь пасть сжимает свет —
Демон жаст тебя во тьме.

Иллюстрация на обложке *kangusha*
Иллюстрации на форзацах *AriwArt*

© Ляпина Е. В., 2026

© ООО «Издательство Азбука», 2026

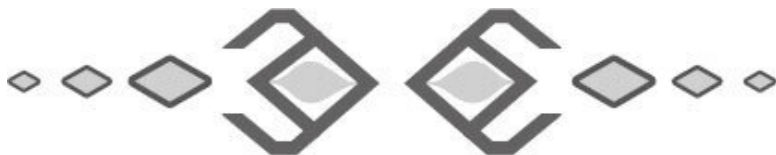
«Махаон»[®]

Они все мертвы, все... Лежат, уткнувшись носами друг в друга, изогнувшись в неестественных позах, бледные, кожа с легким синеватым оттенком покрыта ледяной изморосью, глаза закрыты. Хочется дотронуться до каждого, растормошить, заставить открыть глаза – но страшно даже прикоснуться.

Оглядываюсь в поисках помощи, но ее неоткуда ждать, я здесь одна, никто не придет, не спасет меня. Возможно, скоро и меня ожидает та же участь: я тоже буду мертва и мое тело сбросят в этот колодец...

Глава 1. Неклюдовское

– Да ты только подумай: увидеть настоящий языческий свадебный обряд – это же вообще невообразимо круто! – в который раз уговаривает меня Олеся.

Она падает на кровать, где я сижу по-турецки, завернувшись в пушистый теплый палантин, и читаю статью в ноутбуке, чтобы подготовиться к завтрашнему семинару.

– Ну не знаю, – неопределенно тяну я.

Я правда не знаю. Ехать в тмутаракань, да еще и на несколько дней. Может, там связь вообще не ловит. И где ночевать? В палатке? Вообще-то уже конец сентября, и по ночам холодина.

– Мы можем курсовую об этом написать, будет здорово, тема не избитая, Николай Борисович наверняка одобрит. Он всегда поощряет, когда народ выходит «в поля», чтобы проработать тему, а не тупо сидит в интернете. Наберем материала и за месяц напишем – считай, и пятерки у нас в кармане, и от курсака по-быстрому отделаемся. – Олеся пыта-

ется найти новые точки воздействия на меня. Заманчиво, но по хитрому блеску в ее глазах я догадываюсь, что истинная цель поездки совсем иная. И она выдает: – Может, подгляжу какие-нибудь моменты и для своей свадьбы.

Вот оно что. Театрально закатываю глаза. Эта ее навязчивая идея устроить свадебное торжество по древним славянским обычаям меня раздражала. Вернее, сама стилизация прикольная, необычная и даже модная. Бесило другое – я не могла смириться с ее упорством делать это именно сейчас, выскакивать замуж, когда едва исполнилось восемнадцать лет. По мне, так это вообще полный бред. Тем более что познакомилась она с этим парнем совсем недавно, только этим летом. Можно ведь пока так пожить, узнать друг друга получше, необязательно же сразу в ЗАГС бежать. Хотя, наверное, во мне говорил эгоизм: Олеся выйдет замуж, переедет к Антону, и я останусь одна.

Да ладно бы одна, по-любому поделят ко мне в комнату непонятно кого. А с Олеськой мы знакомы с первого класса, вместе учились в школе, вместе приехали в этот город и поступили в университет на один и тот же факультет, попали в одну группу и одну двухместную комнату в общежитии. Сама я бы побоялась переезжать, а Олеся меня уговорила, сказала, что будем жить вместе. И вот: всего-то начало второго курса, а подруга уже замуж выходит, к парню перебирается, а меня бросает.

– С этого и надо было начинать, – вздыхаю я, – а то «кур-

сак... Николай Борисович одобрит...».

– Да он правда одобрит, Дарина, вот увидишь, – машет массажной расческой Олеся, сползает с моей кровати и возвращается к зеркалу. Ее светлые волосы рассыпаются по спине.

Какие же они шикарные – густые, приятного светло-русого оттенка (а ведь она их даже не красит!) и длинные, почти до попы. Этим, наверное, и берет. Вьются вокруг нее парни, хоть плеткой отгоняй. Снова грустно вздыхаю и возвращаюсь к статье в ноутбуке.

– Я ребят позвала – Игоря, Свету, Лару, Пашу, Аню... Кирилла... – бросает между прочим Олеся, продолжая расчесывать пряди.

На последнем имени сердце у меня на миг подскакивает и делает сальто, и дальше я не слушаю. Мой взгляд уже не ползет по строчкам, а замирает на одной точке. Кирилл... Как же давно он мне нравится, с начала первого курса, но никто даже не догадывается об этом. Я полгода молча носила в себе эту тайную влюбленность, считала праздником те мгновения, когда случайно видела его в универе, а Олеся в середине весны просто как-то хоп – и сошлась с его тусовкой. Ребята ее приняли, враз посчитали за свою. Ну и благодаря ей я стала видеть Кирилла чаще.

Он учится на третьем курсе, и у него уже есть девушка, но я все равно не могу расстаться со своими чувствами.

– И что, они согласились? – стараясь придать своему голо-

су равнодушный тон, спрашиваю я и поднимаю на нее глаза.
– Конечно, – кивает Олеся.

Так и хочется уточнить – а Кирилл точно поедет? Зачастую, когда Олеся говорила, что все ребята идут на какую-нибудь вечеринку, его не было. Тогда мне становилось невыносимо одиноко и я жалела, что пришла. Без него все эти тусовки кажутся неинтересными, музыка слишком громкой, а ребята – скучными и... да просто бесят они. Но я об этом молчу.

– А твой Антон? – спрашиваю я.

– Он не сможет, у него работа, – отмахивается Олеся.

– И когда ты меня уже с ним познакомишь? – возмущенно интересуюсь я.

Лучшие подруги, называется. С самого лета, когда Олеся встретила его в какой-то поездке, только о нем и слышу, но так его ни разу и не видела. То он домой уезжает, то работает, то еще что-то. А на нее-то всегда время находит. Начинаю подозревать, что Олеся боится, что я его уведу или сильно раскритикую. Есть у меня такая особенность – многие ребята мне не нравятся. И уж конечно, я вообще не в восторге от ее идеи выходить замуж всего через пару месяцев после знакомства.

– Да скоро, Дарина, скоро, – отвечает Олеся, ерзая на стуле.

Всегда, когда я завожу о нем речь, она начинает нервничать.

Пожимаю плечами и возвращаюсь к статье: глаза ползут дальше по строчкам.

— Ну так что, погнали? — через некоторое время решительным тоном зовет подруга.

— Ладно, — наконец сдаюсь я. — Только если Николай Борисович утвердит, — добавляю я в надежде, что преподаватель не одобрит такую глупость.

* * *

Но он одобряет.

— Какие вы молодцы, девочки. И где вы только это раскопали? — удивляется Николай Борисович, когда на перемене после его пары мы подходим и излагаем суть своей курсовой работы.

— В интернете нашли, — хвастается Олеся. — Вот. — Она достает из кармана смартфон и, быстро найдя нужный сайт, показывает Николаю Борисовичу ту самую статью про свадебный обряд. Колонка небольшая, пара пестрых фотографий: на одной жених и невеста в простой белой одежде на фоне старого высохшего дерева, на второй — богатая ярмарка и пестрые шатры. И совсем немного текста про то, что с 19-го по 25 сентября на Вырае, у реки Иречь, близ села Неклюдовское Окаевского района, проходит когальская свадьба по древнему языческому обычаю. Приглашаются все желающие, вход свободный, питание и проживание по скромной

стоимости.

– Вам несказанно повезло: когалы – народ скрытный, никого к себе не подпускают. Живут обособленно, чужаков не любят. Они немногочисленны, и иногда для продолжения рода им все-таки приходится жениться на девушках не из своего племени. Тогда они и устраивают открытую свадьбу, приглашают людей из мира, то есть нас с вами, разделить хлеб и радость. Выезжают на большую поляну, ставят шатры, празднуют громко, с размахом. Редко кому удавалось своими глазами увидеть древний ритуал, которому они следуют испокон веков. В интернете вряд ли найдете описание обряда, племя держит его в тайне.

– Ага, – кивает Олеся. – Я пыталась что-нибудь поконкретнее узнать, но ничего толком не нашла, только пару упоминаний о том, что когалы относятся к исчезающим народам.

Я тоже пыталась что-нибудь раскопать, но нарыла лишь небольшую статейку, где говорилось, что когалы давно вымерли и о них ничего не слышали уже более двухсот лет. Один из ученых археологов и вовсе предположил, что они владели тайным знанием и перешли в другое измерение. Я показала это Олесе, но она лишь посмеялась, сказав, раз они проводят свадьбу, значит, еще существуют, вымерли не все. В общем, сложно разобраться, где тут правда.

– А где они живут? – спрашиваю я Николая Борисовича.

– В лесах, в труднодоступных местах, чтобы чужаки не

лезли. Найти их поселения практически невозможно из-за того, что они кочуют. А свадьбы устраивают на больших полях, куда съезжаются когалы из всех мест. Езжайте, вы соберете отличный материал. Только будьте осторожны, не суйтесь, куда не следует, возможно, у них там много что под запретом... ну они сами скажут, где нельзя ходить.

У меня почему-то сразу мурашки бегут от такого предупреждения, да еще Николай Борисович говорит таким серьезным тоном.

– Они славяне или тюркский народ? – Не успеваю договорить, как он перебивает:

– К сожалению, об их этническом происхождении совсем ничего неизвестно. Повторюсь: это скрытный народ, информации о них мало. Вроде бы я читал какую-то статью. – Тут он потер виски. – Не помню. Нужно порыться в научных журналах... Скорее всего, как и многие племена под влиянием чужих религий, распространенных на этих территориях, были подвержены синкретизму¹ еще в древности. Так что причислить их к какой-то конкретной группе довольно сложно.

– Но я так и не поняла, где находится этот Вырай, – сетует Олеся, – Неклюдовское я нашла, а Вырая никакого нет.

– Ну это названное место, не географическое. Езжайте,

¹ Религиозный синкретизм – смешение элементов разных верований и культов, при котором божества, ритуалы и мифы различных религий переплетаются, образуя новую, гибридную систему представлений.

найдете, местные подскажут. Да и огромную поляну с большими шатрами вряд ли можно не заметить, – улыбается Николай Борисович. – Если что – спросите.

Увидите, спросите – хороший совет.

* * *

Пять часов изнуряющей езды на междугородном автобусе до Окая – и вот мы уже трясемся по кочкам на старом пылящем «пазике» до Неклюдовского. Хочется есть и пить. В дорогу я взяла всего одну булочку и маленькую бутылку воды. То и другое давно закончилось.

За окном проносятся осенние пейзажи: холмы и равнины, иногда с россыпью бревенчатых избышек, и далекие темные крыши, едва виднеющиеся из-за высокой травы. Сейчас, когда деревья одеты в золото и багрянец, самое время для фотосессий, но погода подводит – небо хмурится, теряет насыщенный синий цвет, превращаясь во что-то блеклое, серое и невыносимо скучное.

Сначала автобус битком набит, едем стоя, потом рассаживаемся как приходится, в разные концы салона. Нас немного, из всей компании согласились поехать только Кирилл, Аня и Игорь. Единственная радость – что Кирилл рядом. Видеть его, слышать его голос – хорошо выраженный бас, не то что писк этого Игоря – стоит всех пережитых мучений. Как же я завидую Ане и ненавижу ее. За то, что она может так лег-

ко касаться Кирилла, целовать, любить открыто. Я же прячу свою любовь от всех.

Даже сейчас они сидят рядышком, держатся за руки. Кирилл, высокий, рослый, с яркими голубыми глазами и неизменно в центре внимания. Аня, конечно, ему под стать: тоже высокая, миловидная, с рыжими кудряшками и точеной фигуркой. Всегда накрашенная, с наращенными ресничками, татуажом бровей и одетая так, словно сошла с обложки модного журнала. Такой можно и покапризничать (что она часто и делает), и Кирилл выполняет все ее прихоти. У Ани только один минус – плохие оценки и постоянные пересдачи. А Кирилл учится хорошо, даже какую-то там особую стипендию заработал за научный труд. Да и все у него хорошо, он просто идеальный, у него нет недостатков!

Неожиданно освобождается место напротив Кирилла и Ани, и туда сразу же пересаживается Игорь. Я его недолюбливаю, он молчун. Нет, с этой парочкой он разговорчив, часто улыбается (ей), а мне вот за все время нашего знакомства и слова не сказал, ни разу ни о чем не спросил. Словно я ему противна. А мне противны его чуть проклюнувшиеся черные усики, которые он почему-то не сбрасывает.

Останавливаемся еще в одной деревне, и сидевшая рядом с Игорем бабушка, бодро подхватив сумку-тележку, выходит из автобуса. У меня сразу заныло сердце. Так захотелось схватить рюкзак, пройти через весь салон и сесть к ребятам, поближе к Кириллу. Но я этого не делаю. Как всегда.

Вдруг на освободившееся место плюхается какая-то незнакомая девчонка, примерно наша ровесница. Темненькая, с таким наглым лицом, что сразу понятно: палец в рот не клади.

– Привет, – говорит она, обращаясь больше к Кириллу, чем к остальным. – Вы случайно не до Неклюдовского?

– Ага, до него, – отвечает он.

Между ними завязывается разговор, а я кусаю губу, что не пересела. Вспоминаю, как однажды он галантно помог мне надеть пальто, и рана на моем сердце снова кровоточит.

Проезжаем перелесок, и наконец наша остановка. Через пыльное стекло вижу на деревянном доме с высокой крышей надпись: «Неклюдовское». Приехали. Выходим с Олесей через задние двери, потому что нам так ближе, а остальные ребята – через передние.

– А это с нами, – говорит Кирилл, показывая темноволосой девчонке на нас с Олесей. – Знакомьтесь – Олеся и... Динара, кажется.

– Дарина, – хмуро поправляю я.

– А, да, Дарина, – несколько не смутившись, говорит он. Даже не извинился. По ходу, ему пофиг.

– А я Лера, – представляется она, – а это мой друг Дания. – И показывает на высокого блондина позади себя, и тот скромно кивает. Непонятно: они просто друзья или что-то большее.

– Тоже на свадьбу едут, – говорит Кирилл.

– Вот здорово! – радуется Олеся.

А я, как всегда, не очень рада незнакомым людям. Осматриваюсь. Мы стоим на пустынном пригорке: не то центр этого села, не то окраина, отсюда не разберешь. Со всех сторон, насколько хватает глаз, видны лишь крыши деревенских домов, а за ними – лес. Никакой поляной с большими шатрами даже не пахнет. И народу ноль. А уже вечер, пятый час, солнце клонится к лесу, и небо заволакивает серыми тучами. Не дай бог дождь пойдет.

– Вы знаете, как добраться до этого Вырая? – спрашивает Кирилл.

– Ну, только приблизительно. – Лера замялась.

– Тогда я до магазина дойду, – кивает он через дорогу в сторону неприметной избушки с распахнутыми красными дверями. – Может, там и помогут.

Надо же, как-то выцепил взглядом, а я даже не заметила.

– Все вместе, наверное, сходим, – подает голос Игорь.

– Ну так пошли, – соглашается Кирилл.

Переходим дорогу и всей гурьбой вваливаемся в маленький тесный магазин. У продавщицы при виде нас увеличиваются и без того большие глаза – она, похоже, ни разу не видела у себя столько народу одновременно.

Ребята наперебой перечисляют, что им нужно, и продавщица выкладывает товары на прилавок. Тут не как в супермаркете, все по старинке. Но из продуктов есть почти все, кроме, возможно, деликатесов. Да и зачем они деревенским?

– Не подскажите, где находится Вырай? – спрашивает Кирилл у продавщицы, расплачиваясь за свои покупки.

У нее еще больше увеличиваются глаза, и она удивленно хлопает длинными приклеенными ресницами. Молча пробывает следующему, напрочь игнорируя вопрос, будто не слышала.

– Ну Вырай, где-то здесь, на реке Иречь, – настойчиво допытывается тот.

Продавщица испуганно поднимает на него глаза и как-то враз съеживается, закусив губу.

– Вы к когалам что ли? – раздается из темного угла. Поворачиваемся на голос, там приземистая старушка, которую мы не заметили. Она уже накупила полную сумку, но уходить не спешит. – Пошто?

Кирилл оборачивается к ней.

– Да-да, – кивает он старушке, – на праздник.

– А, вон че. Так идите вниз к реке, они на старой пожне. – И машет в сторону полка с лапшой.

– На юго-запад, понятно, – быстро соображает Кирилл.

Завидую его способности: находясь в закрытом помещении без окон, он легко может сориентироваться по сторонам света.

– Все вниз и вниз по дороге, потом налево, и увидите реку-то, – досказывает старушка.

– Спасибо! – благодарит Аня.

Ребята быстро расплачиваются и выходят, а я только сей-

час подхожу к прилавку:

– Можно минералку и чипсы?..

– Это кто такие? – слышу позади себя голос другой старушки.

– Студенты из города к когалам приехали, – объясняет первая.

– Пошто? – удивляется вторая.

– Праздник тама какой-то.

– Какой праздник?

– А я шо, знаю?

Отдаю деньги под пристальным взглядом продавщицы и быстро сгребаю покупки. Неуютно мне здесь, одной среди чужих.

– Зря вы к ним собрались. Станный они народ, нездешние, всякое чудное про них говорят, – вдруг размыкает она уста.

– Например? – интересуюсь я.

– Нехристи они, – выпаливает она со злостью. – И никогда Христа не знали. Все у них шаманы да колдуньи правят. Язычники они, вот кто. Сунетесь – и вас заколдуют, изведут.

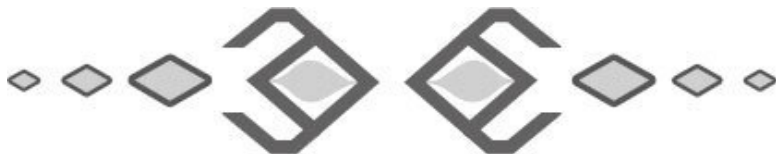
Мне становится смешно, но я ничего не говорю в ответ и поспешно топаю к распахнутым дверям. Краем глаза вижу, как она достает из-под прилавка какую-то штуку, похожую на оберег, и вешает себе на шею. Выхожу на крыльцо. Ребята не стали меня дожидаться, медленно бредут вдоль дороги навстречу заходящему солнцу, ярко-алому пятну в узком

просвете между темной кромкой тучи и неровной золотой полосой леса. Интересно, они вообще заметили мое отсутствие? Приходится ускорять шаг, чтобы догнать. Дождь все-таки начинает накрапывать, не такой сильный, чтобы доставать зонт, но неприятный. Накидываю на голову капюшон ветровки.

Ребята как-то странно разбились на пары. Впереди самые высокие – Кирилл и новенькая Лера, следом Аня и Игорь, позади них Олеся рядом с Даней. Догоняю, на узкой обочине встать третьей с Олесей не хватает места, поэтому вышагиваю последней.

Глава 2. Дух реки

Дорога идет под уклон, постепенно закругляясь в южную сторону. Доходим до перекрестка: небольшая улочка – пять домов с одной стороны, пять с другой – упирается в реку. Все. Опять никаких шатров.

– Наверное, нужно пройти еще немного прямо, – решает Кирилл.

– Но она же ясно сказала – повернуть к реке, – мотает головой Лера. – А река же вот.

Останавливаемся в недоумении: дорога дальше снова взбирается на холм и уходит правее, прочь от русла. Почувствовав на себе чужой взгляд, я оборачиваюсь: на пригорке, с которого мы только что спустились, стоят знакомые две старушки и, нисколько не стесняясь, плятятся на нас, а чуть поодаль от них – еще две. На крыльце магазина торчит продавщица. Видимо, все покупатели отвлеклись, и обслуживать стало некого.

Вдруг во всех ближайших домах друг за другом раздерну-

лись занавески и в окнах появились люди, с любопытством глазающие на нас.

– Они что, по блютусу обмениваются информацией? – бурчит Игорь. Он тоже заметил цепочку передачи.

– По вай-фаю, – смеется Кирилл.

– Ну и куда теперь идти? – вздыхает Аня.

– Считаю, что к реке, – все настаивает Лера.

Смотрю на нее – не нравится мне она, не знаю почему, но не нравится, слишком самоуверенная. Ну вот зачем идти к реке? Что толку? И отсюда видно, что там одни серые валуны и ни намека на поляну с шатрами.

Вдруг мелькает какая-то тень, и из-за груды камней выныривает человек в защитного цвета костюме, какой обычно носят рыбаки или охотники, и, улыбаясь, направляется к нам. На вид он уже в летах, седой дед, но крепкий.

– Вы не знаете, где находится Вырай? – кричит ему Кирилл.

– К когалам туда! – Старик машет рукой в сторону реки. Быстро сообразил, куда нам нужно, или ему уже сообщили по некоему мистическому «вай-фаю»? – Они на той стороне, на старой пожне, – добавляет он.

– Э-э-э-э... – разочарованно тянет Кирилл, – на том берегу? А где мост, не подскажете?

– Так нет тут моста, река в этом месте широко разливается. Мосты только в Дублино и в Щитовке, но с них до пожни не доберетесь, там непроходимый лес – заблудитесь или на

дикого зверя набредете. У нас тут волки и рыси есть, а то и медведи...

Пока он говорит, открываю в смартфоне карты, нахожу Неклюдовское. Действительно, здесь настоящее половодье, чуть не целое озеро, хотя возле Дублино и Щитовки тонкая голубая полоска реки и пара мостов, до которых слишком далеко. Светлое пятно нужной нам поляны окаймлено темным лесом. Поднимаю голову, устремляю взгляд на реку, но не вижу того берега. Далеко, да и дождь размывает все очертания.

– И как перебраться? – уныло спрашивает Кирилл.

– Так я вас на пароме перевезу, – с готовностью отвечает старик, – идемте. Сейчас быстро переправлю. – И бодрой походкой устремляется обратно к валунам.

Идем вслед. Мне немного боязно плыть, да и никакого парома что-то не видно, только высокие камыши.

Спускаемся ниже, подходим к самой воде. Она темная, мутная, уже в шаге не видно дна – все черно. Паромом оказывается большой плот из бревен.

– Это и есть паром? – нерешительно уточняет Кирилл.

– А что? – усмехается старик. – Хорошее плавсредство, на воде держится, а грести у меня есть чем. – Он всходит на плот и отбрасывает брезент посередине – под ним оказываются весла. – Во! – восклицает он, – нас как раз восемь, сможем ровно грести.

– Нам еще самим и грести?! – пугаюсь я.

– Да не бойсь, – смеется он. – Доплывем, Арана пропустит.

– К-кто? – заикаясь переспрашиваю я.

– Арана, – улыбается он. – Она сегодня добрая.

Никуда плыть с этим сумасшедшим я не хочу – не дай бог еще ко дну пойдем. Да и дождь, похоже, скоро разойдется. Лера первая проходит по мосткам и забирается на плот, за ней неотступно следует молчаливый Даня.

– Кирилл, ну ты чего? – улыбается ему новенькая. – Испугался?

Кирилл мнется пару секунд, видимо, тоже не спеша доверить свою жизнь хлипкой посудине, но затем уголки его губ дергаются и приподнимаются в улыбке.

– Да не-е-е. – Он мотает головой, поворачивается к Ане и протягивает ей руку. – Идем.

Они сбрасывают свои рюкзаки в середину, к вещам Леры и Дани. Лера довольна, улыбается Кириллу. Он тоже не отрываясь смотрит на нее. Не нравится мне эта Лера. Она, как ведьма, привораживает парня, а Аня словно ослепла, ничего не замечает: даром рядом стоит, только попусту глазами хлопает. Ведь видно же, какие у Леры намерения. Даня ее тоже никак не реагирует. Хотя непонятно, они просто друзья или все-таки вместе?

Игорь и Олеся тоже не отстают, и я хватаю подругу за руку:

– Ты серьезно собралась плыть на этой штуке?

– Дарин, ну ты чего? Боишься, что ли? – смеется она.

– А если перевернется?

– Дарина, брось! – кричит мне Лера. – Я много раз сплавлялась на плотах и могу точно сказать, что это безопасно.

Я оборачиваюсь к ней и вижу, что на меня все уставились с такими снисходительными и жалостливыми минами, что мне становится стыдно за свой испуг.

– Ладно, – скрепя сердце соглашаюсь на эту авантюру.

Осторожно шагаю вслед за Олесей. Все равно выбора нет: не возвращаться же мне одной обратно в город. Сейчас, может быть, и автобусы уже не ходят.

Старик расставляет нас вдоль плота по краям, ровно распределяя силы, дает каждому по веслу и сам закрепляет их в уключинах на невысоких столбиках. Показывает, как правильно грести.

– А я знаю, – смеется Лера, – я много раз ходила на сплавы.

– Хорошо, – одобряет старик и ставит ее напротив Кирилла. Отвязывает плот и багром отталкивает его от мостка. – Налегай! – весело кричит он.

Налегаем. Плот сдвигается с места, тяжелые темные волны бьются о бревна, брызги летят мне на кроссовки и джинсы. Крепко держусь за весло. Мне страшно, я боюсь много чего... К примеру, темной воды – вдруг там очень глубоко? Конечно, я умею плавать, но в знакомой воде и в купальнике, а в джинсах, кроссовках и ветровке сразу пойду ко дну.

Боюсь уронить и потерять весло; что развалится, так и не достигнув берега, плот; и самого берега почему-то боюсь тоже. Вдруг старик отвезет нас туда и кинет одних в лесу?

А паромщик кладет багор и переходит на нос плота. Лезет в нагрудный карман ветровки, достает холщовый мешочек, развязывает узел, и мешочек распадается у него на ладони в четырехугольный кусок ткани. Посередине темнеет кучка – не то отруби, не то разломанный хлеб и еще вроде бы перловка и пшено. Он сыпет все это в воду, что-то приговаривая. Я позади всех и не слышу, что именно он бормочет, только отчетливо вижу, как шевелятся его губы.

– Вы рыб кормите? – спрашивает Олеся.

Он поворачивает голову и хитро улыбается ей, подмигивая.

– Арану привечаю.

– Кто это?

– Дух реки Иречь, – поясняет старик. – Нужно принести дар реке, чтобы она пропустила нас.

Он не успевает договорить, как к крошкам на воде устремляются несколько рыб и радостно и совсем без боязни принимают подношение: высовывают из темной воды свои рты и заглатывают угощение. Какая-то совсем большая рыбина вдруг ударяется о мое весло, я вздрагиваю, опускаю глаза – чешуйчатое серебристое тело проскальзывает у самой поверхности и уходит под плот. Спинай задевает бревна: качает так ощутимо, что я даже инстинктивно расставляю ноги и

хватаясь за столбик, чтобы не упасть. Хвост, так и не ушедший под днище, с размаху бьет по воде, поднимая веер брызг и волну, что перехлестывается через низкий бортик.

В отчаянии оглядываюсь назад. На берег уже высыпала половина улицы, если не вся. Стоят кучками: и у самой воды, и повыше, на круче, разбрелись по камням, выпирающим из камышей. Пялятся на нас: кто с плохо скрываемым страхом, кто с удивлением, но все с явным ожиданием чего-то, словно вот-вот вынырнет гигантское речное чудовище и проглотит паром вместе с гребцами.

Наш плот вдруг начинает двигаться быстрее, будто подхваченный невидимым подводным течением... или словно кто-то тянет его вперед.

– Добре, – улыбается старик, – Арана приняла угощение, Арана ведет нас. Вмиг домчимся.

Этим он только подтверждает мое подозрение, что кто-то под водой тащит нас за веревки, привязанные к бревнам. Судя по рывкам и неровным движениям, их даже несколько, этих тягловых... рыб? Ежусь.

С неба начинает хлестать все сильнее, крупные капли шлепают по доскам, собираясь в потоки. Вот только ливня как раз и не хватает! Кутаюсь, радуюсь, что надела теплое худи, вытягиваю манжеты кофты из рукавов ветровки и прячу в них замерзшие ладони. Вскоре берег от нас скрывает плотная завеса дождя, и от воды поднимаются белые завитки тумана. Ничего не видно: ни впереди, ни позади. Дрожу те-

перь не только от холода, но и от вновь подступившего страха. И ребята, похоже, тоже напряглись: замолкли, лица у всех серьезные.

Вдруг Лера поворачивается к Кириллу и улыбается. Его лицо расслабляется, и он улыбается ей в ответ.

– Сушить весла! – командует старик.

Ребята непонимающе переглядываются.

– Ну, из воды вынимайте, – поясняет он и первым поднимает весло. – Они сейчас только мешать будут.

Сушим. Я с трудом затаскиваю свое, со всей силы опираясь на рукоятку. Но плот продолжает плыть. Из-за густого тумана непонятно, куда мы движемся. Вдруг из темной воды высовывается какой-то столб, на котором высечена страшная рожа. С удивлением его рассматриваю, вижу впереди другой, потом еще и еще, и на всех такие злые лица, что меня передергивает. Смотрю на остальных ребят – как им такое?

– Что это? – спрашивает Кирилл.

– Зарубы, древние идола, охраняющие проход к когалам, – тихо и как-то таинственно объясняет наш проводник. – Без спросу никому хода нет: сунешься, зарубы не пропустят.

– А мы как? Без спросу же, – смеется Олеся.

– Ну, вы со мной, – хитро улыбается старик.

Лера оборачивается, видит мое испуганное лицо и подбадривает:

– Не бойся, это просто столбы.

Смущаюсь, мне неудобно, что я такая трусиха. Резчик по дереву, конечно, постарался: рожи с перекошенным оскалом реально жуткие до дрожи.

– Это предупреждение. Если чужой наткнется на такого заруба, то поймет, что вторгаться не стоит, – говорит старик, пристально глядя мне в глаза. Он что, читает мои мысли?

Вскоре хмарь скрывает от нас заставу столбов, и мы вновь плывем по тихой темной воде. Вдруг плот притормаживает, словно меняется течение или тот, кто тянул его, решил передохнуть. Снова чувствую, как что-то ударяется о днище, слышу позади всплеск. Оглядываюсь и натываюсь на сотканный из тумана женский силуэт. Как будто в воде девушка, и она изо всех сил пытается мне что-то сказать, но ее не слышно. И хотя сгусток белесой дымки на месте лица кажется мне знакомым, я не могу припомнить откуда.

– Дарина, не смотри туда, – говорит Лера, внезапно оказавшаяся рядом со мной, и ладонью с силой отворачивает мою голову в сторону.

– Что? – Я вздрагиваю – ее ладонь ужасно холодная. Отстранившись, снова оглядываюсь – но там ничего, видение исчезло. – Что там такое было? Ты видела?

– Ничего там не было, это мираж, – смеется она, возвращаясь на свое место.

Хмуро смотрю на нее. Что за игры?

– Весла в воду! – командует старик.

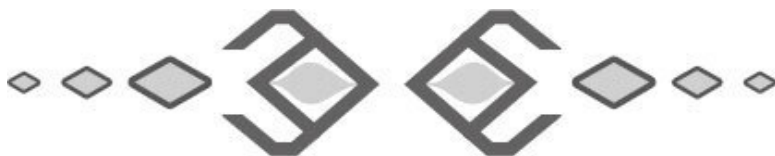
Слушаемся.

– Налегай!

Налегаем. Пара взмахов – и мы вырываемся навстречу солнцу.

Глава 3. Когальский шатровый городок

Это происходит так быстро, что я инстинктивно шурюсь от слепящих лучей. Бирюзовое небо на удивление чистое, свинцовая туча обрывается ровно на полосе тумана. Впереди, за высокой травой, снова виднеются столбы, но другие, гладкие, без всяких страшных рож и украшенные разноцветными лентами. Ветер треплет их, отчего они красивой волной поднимаются ввысь.

Мы приближаемся к высокому берегу, уже слышен шум барабанов и перезвон колокольчиков. С холма к реке спускается какая-то процессия: цветастые колпаки то выныривают из зарослей, то теряются среди низеньких желто-золотых берез и ярко-красных кустарников. Если приглядеться, то сквозь редкие деревца можно разглядеть белоснежные конусы шатров.

– Отлично! – радуется Лера и оборачивается ко мне. – Дарина, все хорошо?

– Да, – киваю я.

Но какая резкая перемена! Только что было все серо и дождливо – и вдруг ясное небо, солнце и чуть ли не летнее тепло.

– Давайте еще поднажмем, раз-два! – командует старик.

Гребем из последних сил, всем уже не терпится побыстрее оказаться на берегу. Солнце пригревает, и в ветровке становится жарко, расстегиваю молнию. Пришвартовываемся к мосткам, опоры и перила тоже опутаны лентами. Старик цепляется своим багром за столб и, подтянув плот к берегу, привязывает канат. Перевожу дух.

– Идите вверх по тропинке. – Он машет рукой, указывая направление.

Опускаю весло, подхожу к нашим вещам. Лерин рюкзак лежит на моем, хватаю его и подаю ей. Какой-то он слишком легкий – она что, ничего не взяла?

– Спасибо. – Улыбается.

Переходим по мосткам на берег и поднимаемся по петляющей по взгорью тропинке. На кустах с обеих ее сторон развешаны разноцветные ленты и лоскутки. Выходим на небольшую полянку, где нас и встречают. Женщины в платках, одетые в пышные пестрые платья, похожи на матрешек. Мужчины в ярких красных или синих рубахах. Все смеются, поют, кричат приветствия и что-то еще на непонятном языке, осыпают нас зерном. Стоим смотрим на них, не зная, как реагировать.

Внезапно к нам направляется высокая крупная женщина в платье неизмеримой ширины. В руках у нее поднос, а на нем высокий хлеб, похожий на пасхальный кулич, только верхушка не облита сахарным сиропом, а посыпана солью. По бокам лежат два раскрашенных яйца.

– Хлеб да соль! – кричит она чисто по-русски зычным голосом.

– Нужно отломить кусочек хлеба с солью и съесть, – подсказывает старик. Он уже закрепил плот, убрал весла и догнал нас. – Отказываться нельзя, не по обычаю.

Лера первая отламывает кусочек, где посолоней, и отправляет в рот, зажмурившись от удовольствия.

– Как же вкусно, – аппетитно жует она.

По очереди подходим и угощаемся.

– Воды? – спрашивает все та же крупная женщина.

– Обязательно, – кивает Лера, и ей подают большой деревянный ковш.

Она с жадностью делает несколько глотков, затем передает ковш мне. И хотя я тоже хочу пить, резкий кислый запах отталкивает. Заглядываю – вода там какая-то мутная, белесая, и я отказываюсь. Достāju из рюкзака минералку.

– Ну и зря, – говорит Лера, – она лечебная.

Пожимаю плечами.

Между тем женщины продолжают петь, осыпая нас зерном.

– Зачем они это делают? – спрашивает Олеся нашего про-

водника.

– Желают вам богатого урожая, – отвечает он.

Мне нравится наряд одной из них, делаю к ней шаг, тянусь, чтобы пощупать ткань... но когалка вдруг взвизгивает и бьет меня по руке пучком вонючей полыни.

– Эй, нельзя, нельзя так делать! – тут же вмешивается старик, качая головой.

– Почему? Я просто хотела потрогать ткань, – обиженно отвечаю.

– Вы пришлые, чужие, пока не очиститесь от того мира, вам нельзя никого из них касаться, – объясняет он.

– В смысле? – Мы с Олесей переглядываемся.

– Ну таков обычай: чужак может быть заразен.

– Да в смысле?! – взбрыкиваю я. – У нас все прививки есть, можем показать QR-код.

– Не только болезнями, но и злыми духами, – втолковывает старик. – Нужно покамест вам в карантинной зоне побыть, очиститься.

– Фигеть, – закатываю глаза.

– Дарина, не спорь, ну таков обычай, – улыбается Лера. – Знаешь же пословицу «Со своим уставом в чужой монастырь не лезь».

– Вот-вот, верно, – поддакивает старик.

– А как вас зовут? – спрашивает она. – Я Лера, а это мои друзья – Даня, Кирилл, Аня, Игорь, Олеся и Дарина. – Она с таким видом тычет в каждого из нас, будто давно знает.

– Зовите меня Аверьян Егорыч, – кивает он.

– А меня – Пуления Авсеевна, – громко представляется женщина с подносом.

Вся процессия вдруг разворачивается и движется в обратную сторону, так же задорно напевая и повязывая ленты на ветки.

– Идите за мной, – зовет Пуления Авсеевна и, передав поднос помощнице, ведет нас вверх по другой тропинке.

Дружно топаем. Солнце начинает здорово припекать, снимаю ветровку. Идти недалеко, все прямо, вдоль кустов с яркими красными листьями, и вот мы на холмистой площадке, усеянной большими шатрами. Повсюду шум да гам: где-то играет музыка, где-то стучат в барабаны.

– Как же жарко! – вырывается у меня. – На том берегу дождь, холодно, а у вас тут лето.

– Это все шаманы, – улыбается Пуления Авсеевна, показывая на вереницу пляшущих людей на склоне холма. Там их человек пять-шесть. Укутались в шкуры, на головах какие-то маски с оленьими рогами, бьют в огромные бубны и изгибаются в дикой пляске. – Они тучи разгоняют, чтобы солнышко привечать. Радогощь!

– Что? – не понимаю я.

– Радогощь. Осеннее равноденствие. После него день идет на убыль, а холода крепчают. Священный праздник у когальского народа. В это время подсчитывают урожай, восхваляют и благодарят природу за плодovitость, готовятся к зиме.

В такую пору свадьбу может сыграть только ал-когал, то есть выходец из наивысшего сословия, если точно перевести на русский язык, – встречается Аверьян Егорыч. – Вон видите белые шатры на вершине холма? Там ал-когалы, туда женщинам нельзя, только мужчинам.

– Ясно, – киваю я.

Что с них взять, у них небось все как в девятнадцатом веке: женщинам ничего нельзя.

Выходим на огромную поляну: тут много разномастных шатров, каждый огорожен небольшим кругом из веток, камней и того, что попало под руку. Незамысловатые изгороди украшены лентами и вениками из трав, в основном вонючей полыни. Мне кажется, что весь воздух пропитался этим отвратительным запахом. Ну моя ветровка уж точно, когда по ней прошлись точно таким веником.

– Зачем столько полыни? – спрашиваю.

– Чтобы злых духов отгонять, – улыбается Пуления Авсевна.

– А, ну ясно, – хмыкаю я.

Глазею по сторонам. Внутри каждой оградки разведен костер, женщины готовят еду, мужчины – кто строгает, кто играет на домре или кубызе; рядом носятся ребяташки. Все в таких же странных нарядах, как и наши встречающие. За шатрами видны повозки и скот: много лошадей и коров.

Наш шатер последний, у самой кромки леса, чуть ли не на болоте. Если сделать два шага в сторону, то под ногами уже

хлопает густая няша и стеной высятся камыши.

– Оставляйте вещи, и идемте, вас уже ждут, – приглашает Пуления Авсеевна, открывая нараспашку две узкие деревянные дверцы.

Смешно – шатер, а с дверями. И интересные какие, филенчатые, по краю замысловатый орнамент (если присмотреться, можно как будто разглядеть людей с рогами на головах), а наверху – сквозные окошечки с деревянной узорной решеткой вместо стекол. Заходим – тут везде ковры, и по стенам, и на полу. По периметру высятся стопки сложенных одеял и башни из подушек. Больше и нет ничего.

– Тут и спать будете – расстелите на полу и ложитесь, одеял и подушек всем хватит, – говорит Пуления Авсеевна.

– А где оплачивать? – спрашивает Кирилл.

– Да не нужно ничего, вы же гости у нас, – машет она рукой.

– Так на сайте же было написано...

– Ну мало ли что там написано, – перебивает она. – Радо-гощ, негоже в такой праздник с людей деньги брать. Кладите вещички, и вперед, заждались уж, без вас не можем начать.

– Почему? – удивляется Игорь.

– Обычай такой – сначала гостей привечать, накормить, напоить...

– ...и спать уложить, – смеется Кирилл.

– Оно и верно, – улыбается Пуления Авсеевна, – ну-к, поторапливайтесь! И не бойсь, никто ваше добро не тронет,

среди когалов воров нет. Не такой мы народ, чтобы чужое брать.

Прикольно. Наверное, хорошо жить в обществе, где никто не ворует. Сбрасываю с плеч рюкзак и прислоняю его к стопке одеял, но на всякий случай достаю из кошелька деньги, карту и смартфон и распахиваю по карманам джинсов. Пусть при мне будут. Кидаю на рюкзак ветровку, худи тоже снимаю, но беру с собой – вдруг похолодает, вечер уже – и завязываю рукава кофты на поясе.

– Идемте, идемте, – торопит нас Пуления Авсеевна.

Топаем за ней между рядами пестрых шатров, пока не выходим на поляну к сухому дереву. Дерево огромное, высокое, ствол толстый и гладкий из-за давно облезшей коры. Голые и высохшие ветви вытянуты кверху и сплетены меж собой, образуя круг или колесо. Но только непонятно, что это за дерево, не определить даже, хвойное или лиственное. Под кроной стоят несколько низких столиков, крытых белой скатертью с вышитыми узорами. Все уже сервировано, все готово к трапезе.

– Сначала сюда, умыться с дороги! – кричит Аверьян Егорыч.

Он уже снял современный охотничий костюм и переделся в средневековую белую рубаху, подпоясанную красным кушаком. Возле него стоят несколько деревянных бадеек с водой и ковшик, тоже деревянный. Рядом и девушки с полотенцами и вениками из полыни. Подходим.

– Как с гуся вода – так с тебя худоба, – приговаривает старик, опрокидывая каждому из нас по ковшику в подставленные ладони, – хорошенько руки мойте и лицо, смывайте дорожную пыль и гоните прочь проклетов, что прицепились к вам в миру. Негоже их тут держать, во святом месте.

Вдруг девушки набрасываются на нас и начинают хлестать своими вениками – опять, похоже, злых духов изгоняют. Меня разбирает смех. Я уворачиваюсь, подставляю руки для воды, и Аверьян Егорыч снова наполняет мои ладони. Умываюсь. Вода прозрачная, но с тем же кисловатым запахом. После духогонения и омовения нам выдают полотенца.

– Все? Мы теперь чистые? – спрашиваю я у Аверьяна Егорыча.

Ничего не говорит, лишь лукаво усмехается.

Прежде чем вернуть полотенце, разглядываю его – оно с вышивкой, на орнаменте изображены девушки с вениками.

– Добро пожаловать к столу, – приглашает Пуления Авсеевна.

Для нас накрыто особняком. Сторонятся нас, привечают, а близко не подпускают: видимо, не до конца мы еще очистились. Присаживаемся прямо на ковры вокруг столика. С нами и Аверьян Егорыч. Тут отдельный самовар и деревянные блюда со всякой стряпней. Тяну руку к хворосту.

– Дарина, нельзя пока! – Лера хлопает меня по руке и тихонько объясняет: – Видишь, никто не ест? Значит, ждут чего-то.

Озираюсь. Лера права: никто еще не притронулся к еде, все смотрят на главный стол. Мне становится неловко.

Судя по всему, за большим столом собрались самые уважаемые люди племени – седовласые деды с длинными белоснежными бородами. Один из них встает и что-то говорит на когальском, обращаясь не только к своим, но и к нам.

– Что он говорит? – шепотом спрашивает Олеся.

– Объявляет начало Радогощи, подводит итоги уходящего лета, радуется изобилию злаков, овощей и иных плодов. Приветствует вас на своей земле и надеется, что с вашим приходом природа еще более расщедрится на дары.

– При чем тут мы? – удивляется Аня, хлопая глазами.

– Ваше прибытие может поспособствовать богатому урожаю на следующий год, – объясняет Аверьян Егорыч.

– Все равно ничего непонятно, – бурчит Аня.

Между тем старик-когал подзывает к себе мужчину богатырского телосложения. Тому лет сорок, кудрявые рыжие волосы всклочены, борода под стать, нос картошкой, смотрит исподлобья... Медведь медведем, другого слова и не подберешь.

– Это жених, у которого свадьба будет в Радогощ, – снова переводит нам Аверьян Егорыч. – У него уже есть две жены, а нынче появится третья.

Олеся вдруг тихонько вскрикивает и зажимает рот ладошкой.

– Как третья?! Разве они мусульмане? – вырывается у ме-

ня: как и Олеся, я возмущена этим обстоятельством.

– Нет. У когалов это обычное дело: если муж здоров и обеспечен, и две жены мало плода приносят, то шаман может разрешить ему взять третью, – поясняет Аверьян Егорыч.

– Ничего себе, – выдыхаю я. – Вот так порядки. – Чувствую, как Олеся больно стискивает мне руку. – Ты чего? – поворачиваюсь к ней.

– Да так, ничего, – отмахивается Олеся, но я замечаю, что она заметно побледнела.

– А где невеста? – интересуется Аня.

– Вон там. – Наш проводник показывает пальцем на маленький белый шатер на склоне холма. Он стоит от всех поодаль, окруженный высокой изгородью с какими-то шашечками на столбах. – До свадьбы никому ее видеть нельзя.

– Почему?

– Чтобы злые духи и проклеты не прознали и не испортили свадьбу.

– Странные порядки, – бурчит Аня, надувая губки. – А как же девичник?

Я прыскаю. В голове не укладывается: шумный современный девичник в этом средневековом племени. Остальные тоже заулыбались. Аня, кажется, не понимает, над чем мы смеемся. Она хлопает глазами и начинает нервно гладить свои волосы, распрямляя кудряшки.

Седобородый старик, закончив свою речь, отпускает жениха и, сев за стол, надламывает пирог – и тут же все ожи-

вают, начинают переговариваться, смеяться, тащат со стола ватрушки, шанежки. Еды много – всякой разной. Наконец добираюсь до хвороста.

Пуления Авсеевна разливает из самовара чай.

– Кушайте, гости дорогие, у нас тут все свое: и чай на травах, не ваш магазинный, и мед с целебным сбором, и варенье, – нахваливает она.

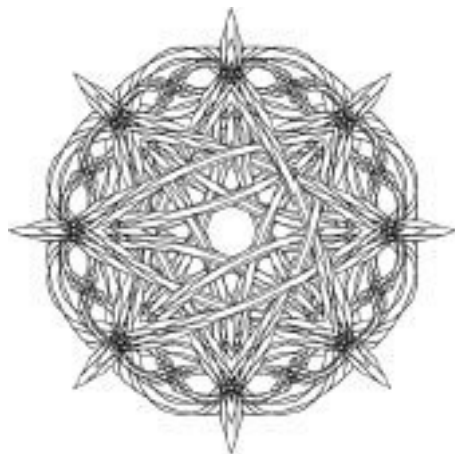
Все у них тут, что ли, с сорняками? Откусываю пирог с рыбой – и там какая-то местная приправа, но вкусно, ничего не скажешь. С осторожностью пробую чай – вдруг он опять на кислой лечебной воде? Но ничего не чувствую: возможно, травы перебивают. А вот еще одна странность: на каждом столе опять стоит блюдо с высоким «куличом», хлебом, посыпанным солью, и двумя крашеными яйцами по бокам.

– А зачем куличи, не Пасха же? – спрашиваю я Аверьяна Егорыча.

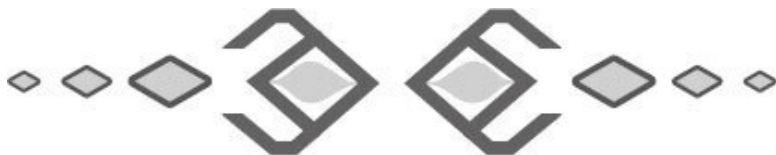
– Это символ плодородия, чтобы больше урожая было, зерна и плодов, скота и птицы, чтобы семья разрасталась, – отвечает он.

Пока солнце было высоко, трапезничали, но вот оно касается верхушки холма – и над поляной раздается барабанный бой. Все тут же встают и кланяются столу.

– Благодарят за добрую пищу, – поясняет Аверьян Егорыч. – Ну и нам пора, солнышко провожать.

Глава 4. Дух земли

Встаем и вместе со всеми идем к холму, на вершине которого уже разложен огромный кострище. Яркое пламя алыми языками вздымается к сумеречному небу, багровые отсветы падают на бесчинствующих подле него шаманов. Их тела обмазаны глиной, поверх наброшены шкуры со звериными головами. Кто волк, а кто медведь, но почему-то все увенчаны длинными изогнутыми рогами. Шаманы улюлюкают, рычат по-звериному, кривляются, скачут, извиваясь в дикой пляске под ритм гулких барабанов.

Темнеет быстро: вроде вот только солнце стояло высоко, как вдруг одним махом ухнуло за холм, и резко повеяло осенним холодом. Поежившись, развязываю на поясе рукава теплого худи и быстрее кутаюсь в него.

Между тем адские пляски достигают своего апогея, и внезапно воцаряется тишина: барабаны смолкли, замерли шаманы. Что-то движется на вершине холма, мелькает. Шевелятся искривленные тени, но ничего не разглядеть. Мгнове-

ние – и огонь вспыхивает еще ярче, устремляется еще выше, и из его чрева выкатывается гигантское деревянное колесо. Оно поворачивается вокруг своей оси, раскидывая огненные всполохи, крутится быстрее и быстрее, и мне мерещится, что в этом огненном круге я вижу знакомые символы. Вдруг колесо вздрагивает, словно сходя с оси, и, подпрыгивая на кочках, катится по склону в сторону реки. Ветер развеивает позади него огненную мантию, и сотни ярких искр рассыпаются в темноте. Прекрасное и страшное зрелище!

– Огненное колесо – символ уходящего солнца, – не дожидаясь вопросов, объясняет Аверьян Егорыч.

Пылающая громадина врывается в воду, немного прокатывается по дну и с мощным плеском падает в реку. Огонь и вода сходятся вместе, все шипит и кашляет черным дымом. Колесо тонет, но на поверхности воды еще долго теплятся язычки пламени.

– Как колесо скатывается, так и солнышко от нас убегает. День на убыль, тепло на стыл, жизнь замирает, – продолжает Аверьян Егорыч.

Тут вновь раздается барабанный бой, да такой невообразимо громкий, что с каждым ударом все больше дрожит под ногами земля. Шаманы опять пускаются в пляс, набрасываются друг на друга, врезаются рогами, будто борются, кто из них сильнее. И вдруг люди вокруг нас тоже начинают прыгать, плясать, дергаться и что-то грубо выкрикивать на своем языке. Мне становится не по себе и хочется уйти.

БУМ-БАМ-БУМ-БАМ!

Темп ускоряется. Все мельтешит у меня перед глазами, и наконец раздается ужасный грохот, как если бы от землетрясения рушилась скала. В ту же секунду кто-то невидимый словно разом рвет мембраны на всех ударных, и воцаряется тишина. Шаманы падают на колени, люди смолкают и испуганно застывают. Некоторые и вовсе сидят на своей пятой точке и держатся за траву, не иначе как боясь, что земля сейчас взбрыкнет и исчезнет из-под ног. И она правда вздрагивает – резко, обрывисто, будто кто-то толкает пласты грунта изнутри. Я не удерживаюсь и падаю на колени, хватаясь за что придется – за толстые стебли цветков, траву, колючий репей, – и меня раскачивает, как пьяную.

БУМ-БАМ-БУМ-БАМ!

Теперь гремит из-под земли, словно запоздалое приглушенное эхо повторяет уже отзвучавшие барабанный бой и людские крики. Гул нарастает. Земля ходит ходуном, ветер крепчает и свистит в ушах. Хочется зажмуриться, но я продолжаю смотреть – закрыть глаза страшно. Медленно восходит полная багровая луна и заливают все вокруг призрачным светом. Она висит очень низко и кажется огромной.

С появлением луны утробный гул затихает, люди поднимаются с травы, оживают, улыбаются. Снова звучит музыка, но гораздо тише и мелодичнее, женщины запевают что-то тоскливое на непонятном языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.